

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

[АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛ «LANGUAGE» (за 1952—1953 гг.)]

Журнал «Language» («Язык») издается Лингвистическим обществом Америки, основанным в 1924 г. Президентом общества и редактором журнала в настоящее время является Б. Блок (Bloch). Общество объединяет сейчас свыше 800 членов; в числе почетных членов состоят Б. Грозный, Ж. Вандриес, Э. Бенвенист, Ч. Джоунс и др. Среди членов — Э. Стертевант, Л. Менкен, Р. Якобсон и др.

Журнал выходит 4 раза в год. Он состоит из двух главных отделов — отдела статей и обширного отдела обзоров и рецензий. В первом разделе помещаются статьи, посвященные изучению разнообразных языков мира — живых и мертвых; теоретические статьи по общим вопросам языкознания; во втором разделе помещаются рецензии на книги, выходящие в различных странах мира.

К примеру, укажем на содержание № 1 журнала за 1953 г. В нем были опубликованы следующие статьи: Пувел, Composita с отрицательной частицей в индоевропейском языке; Стертевант, Некоторые древнескандинавские вторичные образования; Черри, Холл, Якобсон, К вопросу о логическом описании языков в их фонематическом аспекте; Бар-Хиллел, Квази арифметический метод для синтаксического описания и другие статьи, а также ряд небольших лингвистических заметок, например: Мелон, Долгие и краткие фонемы в исландском языке; Пеер, Некоторые этимологии в эламском и другие, а также рецензии на книги: Шеннона и Уивера «Математическая теория коммуникации», Стертеванта «Сравнительная грамматика хеттского языка», Бруннера «Английский язык» и другие.

По своему направлению журнал представляет собой орган дескриптивной, структуральной лингвистики, хотя в нем сотрудничают лингвисты, представляющие и другие течения современного буржуазного языкознания (Э. Бенвенист, Э. Стертевант и др.).

Дескриптивная лингвистика по методологическим установкам близка к логическому синтаксису, возникшему первоначально как логическая теория анализа предложений при помощи математических методов (см., например, Карнап «Logische Syntax»). Наиболее видными представителями этой лингвистики в той или иной ее разновидности являются Л. Блумфильд, Г. Треджер, Б. Блок и др.

Согласно воззрениям защитников дескриптивной лингвистики, язык представляет собою комбинацию формальных элементов («морфем»), все значение которых состоит в том, что они располагаются в коммуникации определенным способом. Семантическая сторона языка, функция его как средства выражения мысли отрицается ими и, следовательно, отвергается как предмет изучения в теоретической лингвистике.

Доведенное до своего предела прежнее формалистическое учение о языке проявляется в дескриптивной лингвистике по существу как математическая наука, оперирующая уже не конкретными языковыми фактами, а формулами символов-знаков. В этом отношении структурализм в современной американской лингвистике может рассматриваться как последовательное завершение всякого чисто формального толкования языка. В нем надо видеть одностороннее преувеличение объективного свойства языка.

Дескриптивная лингвистика изолирует и рассматривает в отрыве от их конкретного содержания отношения и между элементами языка (звуками, словами, предложениями), действительно существующие в языке. Рассматривая языковые единицы как единицы ряда, американские структуралисты пренебрегают всеми их действительными свойствами, кроме одного — их формального положения в ряду других единиц.

Такой метафизический фундамент дескриптивной лингвистики привел ее к теории, весьма далекой от практической ценности. А между тем ясно, что если математика занимается количествами и их отношениями как таковыми и ее формулы и законы прямо или косвенно имеют практическое применение, то это оправдывается и диктуется самым предметом математики — абстрактным характером числа. Предмет же языкознания имеет совершенно другие качества и другой характер абстракции (различная конкретная значимость форм лексических, грамматических, фонетических), и поэтому манипуляции с символическими элементами языка при помощи математического способа не могут выявить действительной сущности языка. В лучшем случае этот способ может дать условную картину некоторых количественных элементов языка и отношений

этих элементов (например, частотность появления определенной группы слов в каком-либо тексте, порядок расположения слов в строе предложения и т. д.), но при этом надо иметь в виду, что числовой результат — лишь второстепенной важности иллюстрация, а не способ изучения языка.

Тезис Блумфильда о том, что всякая наука говорит количественным языком и, следовательно, научность языкознания может определяться только тем, что оно также имеет дело с количеством фонем, явно порочен, ибо игнорирует специфику конкретных наук, в том числе и языкознания.

Разберем способы исследования представителей дескриптивной лингвистики, изложенные в их общетеоретических статьях, опубликованных в рецензируемом журнале в 1952 и 1953 годах.

В статье Черри (Cherry), Холла (Halle) и Якобсона (Jakobson) «К вопросу о логическом описании языков в их фонематическом аспекте» делается попытка описать математическим способом фонематический состав русского языка, используя статистический метод, изложенный в книге Шеннона и Уивера «Математическая теория коммуникации» (1949). Беря данные, добытые эмпирическим путем (обычное исследование фонем), а именно: 11 отличительных признаков фонемы (гласная, согласная, носовая и т. д.), авторы статьи помещают их в таблицу следующим образом: слева по горизонтали ставятся показатели, а по вертикали — 42 фонемы русского языка, и в квадратах делают отметки: + (при наличии признака), — (при его отсутствии) и 0 (при безразличии фонемы к этому признаку, например — назальность у гласных)*.

	b	b'	d	d'
Гласные	—	—	—	—
Согласные	+	+	+	+
Носовые	—	—	—	—

Таким образом, подсчитывают среднее число показателей русской фонемы. По подсчету авторов в данном случае это число оказывается 5,79. По утверждению авторов, практическая польза подобного вычисления может заключаться в том, что будет подсчитана вероятность комбинаций фонем в соответствующем языке, будет получена статистическая модель слогов, распределения фонем в лексической таблице языка.

Статистический метод, особенно в той форме, в какой им пользуются авторы указанной статьи, вообще не столь характерен для дескриптивной лингвистики, поскольку для нее существенным является не статистический подсчет как таковой, а исследование о т н о ш е н и й языковых элементов в пределах единичного высказывания. Однако за последнее время этот метод начинает пользоваться популярностью, о чем свидетельствуют и материалы рецензируемого журнала.

Совершенно ясно, что указанный метод не исследует самой материи языка, в данном случае фонемы, а лишь регистрирует в средних числах взятые в абстрактном виде признаки фонем. Для языкознания эти цифры не имеют непосредственного значения, ибо что может, скажем, фонетист взять из числа 5,79 для действительного описания какой-либо фонемы русского языка? Ничего! Для этого он должен будет обратиться к экспериментальному изучению самой фонемы, но не к изучению числа 5,79.

Вообще структуральный метод — это не метод исследования языка, а лишь способ формально-математического изложения результатов исследования, причем эта форма изложения несколько не прибавляет знания о языке. Характерно, что автор статьи «Квази-арифметический метод для синтаксического описания» Бар-Хиллел (Bar-Hillel) усматривает важность данного метода в связи с проблемой механизированного (при помощи машины) перевода.

Для этой цели автор предлагает составить сначала таблицу (модель) следования элементов (например, слов) в контексте, положим, в английском предложении: *Poor John sleeps* следует превратить в формулу, обозначив слово *poor* символом A, *John* — N и *sleeps* — Vv (глагол с морфемой s); так как определение в английском языке всегда стоит с именем и слева, то обычная формула для английского предложения будет NV или более общая $\frac{n}{(n)}$ и $\frac{s}{(n)}$, где первое (n) обозначает все, что связано с именем вправо

* Схема дана в упрощенном виде.

от него, а второе (n) — все, что связано с предложением влево от глагола. Превращение упрощает последнюю формулу до $n \frac{s}{n}$.

Из этой формулы можно составить ряды, например: $ns/(n) [n]n/[s] n s/(n) [n—] n/[n] n/[n] n$.

Если подставить значения в эти символы, то можно подтвердить, пишет автор, что предложение *John knew that Paul was a poor man* согласуется с этой формулой, но согласно ей нельзя образовать следование *poor sleeps John*.

Очевидно, что обычные школьные правила грамматики относительно порядка слов в английском предложении дают достаточный регламент построения предложений и обходятся при этом без высшей математики. Математические выкладки оказываются здесь посторонним наслоением. Полезность же их для создания машины перевода относится уже к области фантастики, далекой от науки. Математические операции превращаются здесь в самоцель, ибо расшифровка формул возвращает нас по существу к нормальному лингвистическому анализу языка и тем самым делает не нужным и все математические выкладки.

Попытка Х а р р и с а (Harris) в статье «Дискурсивный анализ речи» (1952, № 1) ввести в этот метод изучение и социального момента оказывается также абсолютно несостоятельной, так как построена на порочной предпосылке. Сознывая, что дескриптивный метод ограничивается формально-математическим описанием только предложения, Харрис надеется исправить этот недостаток, расширив анализ до анализа целого текста. По соображениям автора этой статьи, анализ текста дает возможность выяснить и социальную сторону языка. Под последней, однако, понимаются у него явления, ничего общего с действительной социальностью не имеющие. Сюда он относит поведение говорящего, ситуацию и т. д. Так, например, в английском языке *How are you?* — форма обращения, а не прямой вопрос о здоровье — уже иллюстрирует, по мнению автора, отношение речи и социального момента.

Вообще выяснение какого-либо значения, выраженного в языке, как заявляет сам автор, — не задача дискурсивного анализа, ибо этот анализ может обрисовать только чистую форму; другими словами, из одного анализа мы не узнаем, что (о чем) говорится в тексте, но узнаем лишь, как к кому говорится. Понятно, что под этим углом зрения изучение социальных моментов становится нереальным. Дескриптивный метод и существует, собственно, ради метода, а описание языка при его помощи уже предполагает исключение всякого значения. Цель этого метода, по утверждению автора, — показать, как обнаруживаются элементы языка, т. е. перевести живой язык в бессодержательную формулу.

Так, английские предложения: 1) *The boss fired Jim*; 2) *Jim was fired by the boss* — выражаются в символах N_1VN_2 (1) и $N_2V^4N_1$ (2).

Разложив таким образом какой-либо текст, получают по горизонтали классы распределения элементов внутри предложения, по вертикали — ряды предложений. Полученная таблица и должна выявить, по утверждению Харриса, определенные черты структуры всего текста. Но так как в любом тексте встречаются весьма разнообразные предложения, то в целях сведения их к более или менее простой таблице отыскиваются эквиваленты; таким образом идентифицируются любые два элемента, «если они встречаются в предложении в одном и том же окружении», и предложения, «если они оба встречаются в языке» (стр. 19).

Так, будут эквивалентны, по его мнению, два английских предложения: *They escaped, saving nothing* и *They escaped; they saved nothing*.

Стремление приравнять эти предложения в данном случае идет в разрез с грамматикой языка, но для дескриптивной лингвистики это не имеет значения, так как выявление символической модели и не преследует цели конкретного изучения грамматического строя языка. Для дескриптивной лингвистики важна сама по себе абстрактная символическая схема. Это наглядно видно из следующего преобразования Харрисом текста (одного рекламного объявления):

Символы	Текст
PW	Millions of People Can't be Wrong!
BS ^x I	Millions of consumer bottles... have been sold...
CPW	And four out of five people... say
PW	They prefer X—...
PW	Four out of five people... can't be wrong
PW	You too will prefer X—...
PW	Your whole family will prefer X—...
BS ^x I	Every year we sell more bottles of X—
S ^x I to p	We sell to consumers
PW	Consumers are satisfied
PW	You too will be satisfied!

Однозначные символы затем обобщаются, и схема в упрощенном виде выглядит $AB : AC : ZB$.

Полученная абстрактная модель настолько далека от действительного языка текста, что ее значение вообще никак не может быть связано с грамматическим строем предложений. Так, указанная формула расшифровывается автором следующим образом: А появляется перед В и Z появляется перед В, но Z не появляется перед С. В этом тавтологическом изложении формулы не содержится никакого намека ни на язык, ни на социальную его сторону. Формула получена ради нее самой, а метод использован ради самого метода. Здесь наглядно видно, что символизация языка и различные преобразования формул, аналогичных математическим, привели дескриптивную лингвистику, по существу, к подмене предмета своего исследования: она стала изучать не язык, а абстрактные формулы.

Характерное для дескриптивной лингвистики пренебрежение к природе языка проявляется и в том, что непозволительно используются различного рода аналогии. Так, Р. Л и с (Lees) в статье «Основа глоттохронологии» (1953, № 2), ссылаясь на применяемый в естественной науке метод определения возраста вселенной по радиоактивному распаду и возраста земной коры по минералам, предлагает определять историю языка, например, абсолютную хронологию истории лексики, методом анализа продуктов распада морфем. Такой прямой перенос законов природы на язык не имеет ничего общего с научным исследованием, но так как сама доктрина дескриптивной лингвистики допускает пользование методом, не имеющим отношения к языку, то автор спокойно переносит при помощи математики свою теорию на изучение языка. Изложим кратко этот прием.

Из среднего количества элементов — морфем языка (слов) в 100 тыс. единиц берется средний активный запас говорящего в 20 тыс. В это число входит определенная часть морфем, имеющая в истории постоянное значение (морфемы, обозначающие части тела, числа и т. д.). При сравнении указанных морфем на разных этапах развития языка оказывается, что часть из них в более позднее время исчезает и вытесняется новыми — это есть, по определению автора, распад морфем. Надо сказать, что подобное изменение слов — отмирание ряда старых и рождение новых — в составе лексики какого-либо языка хорошо известно лингвистике и всегда подробно и конкретно изучается исторической лексикологией.

Но такое изучение лексики не считается структуралистами научным методом: для них задача лингвистики состоит в другом — отыскать абсолютную формулу «распада». Вот как это делается. Берется, например, около 100 морфем английского языка и дается их значение (в сравнении с другими родственными языками, скажем, шведским). Устанавливается, что за 1000 лет из 215 морфем выпало 10—15, оставшееся число обозначается символом N, а количество замещенных морфем в данный отрезок времени — R. Это постоянные числа. Все это обозначается следующим образом: если

возьмем N_0 морфем в t_0 и только N их остается позже в t , то получим $\frac{dN}{dt} = -\lambda N$, где λ постоянная, равная R/v , или для $N=N_0 e^{-\lambda t}$ (где λ математическая постоянная $=2,718$). Правильность этой формулы Р. Лис проверяет на материале различных языков; например, из 209 корневых морфем древнеанглийского языка современный английский сохранил 160 (76,6%): из 214 древневерхнегерманских корневых морфем современный немецкий сохранил 180 (84,2%) и т. д.

Общий результат, выведенный из указанной формулы, определяется так: около 81% корневых морфем сохраняется на протяжении 1000 лет — закон для всех языков во все времена. Правда, оговаривается автор, фактические подсчеты показали в некоторых языках значительные отклонения (в узбекском, например, 66,2% за 954 года и т. д.), и для получения достоверного результата Лис дает сложную формулу исключения вероятных ошибок.

Из всего изложения этого метода «глоттохронологии» явствует, что математический анализ накладывается здесь как совершенно чуждый природе языка метод, не могущий получить никакого положительного применения. Слова языка в их историческом развитии не поддаются никакому абстрактному уравниванию, причины же и пути их изменения всегда нуждаются в конкретном исследовании с учетом внутренних законов развития данного языка, этимологии слова и истории народа — носителя этого языка. Языковедение не может удовлетворить результаты любой «глоттохронологии», если она строится только на числовых данных. «Глоттохронологический» закон, который по существу сводится к тому, что в определенное время в языке происходит изменение определенного количества слов, для современной лингвистики не может считаться добытым результатом исследования. Наука начинается только тогда, когда изучаются конкретные изменения, скажем, в лексике языка прослеживается история отдельных слов, выведенные же ею более общие закономерности излагаются в соответствии с природой этих законов, без ненужной математической символики.

Среди статей, посвященных вопросам общего языковедения, опубликована статья Р. Робинса (Robins) «Имя и глагол в общей грамматике» (1952, № 3). Автор статьи

рассматривает вопрос о том, насколько имя и глагол являются универсальными категориями, свойственными всем языкам мира. Идея существования таких универсальных языковых категорий («*language universals*»), как отмечает автор, зародилась уже давно. Для античной и средневековой грамматики, рассматривавшей все языки сквозь призму грамматической структуры греческого и латыни, вопрос этот, естественно, мог решаться только положительно. В XIX в., однако, в связи с тем, что науке стали известны языки, грамматический строй которых качественно отличен от строя греческого и латыни, идея универсальных грамматических категорий была сильно поколеблена. Тем не менее существование какого-то минимума, хотя и крайне ограниченного, грамматических явлений, свойственных всем языкам мира, признается и современной лингвистикой. В частности, многие языковеды, например Мейе, Сепир и другие, признают такими универсальными, общелингвистическими понятиями категории имени и глагола. Р. Робинс в упомянутой статье пытается проследить, насколько эта идея правомерна.

Рассмотрение вопроса об универсальных языковых категориях автор начинает с разбора исходного теоретического положения, выдвинутого Ельмслевом в его книге «*Принципы общей грамматики*» (1928). Согласно этому положению, общность грамматического строя обусловлена общностью психологических явлений, свойственных всему человечеству, подобно тому как общность фонетической системы языков базируется на общности физиологического устройства органов речи. Этот взгляд представляется Робинсу неверным. По его мнению, параллелизма между физиологическими и психологическими явлениями не существует, ибо физиология органов речи доступна непосредственному наблюдению и изучению, психологические же явления, утверждает он, недоступны прямому наблюдению и не могут быть надежным критерием лингвистического исследования. К тому же, добавляет Робинс, неверно рассматривать язык как способ внешнего проявления внутренних мыслительных процессов.

Отказавшись, таким образом, от выдвинутого Ельмслевом психологического критерия, автор приходит к необходимости при изучении грамматического строя базироваться исключительно на данных структурного анализа. Анализ этот, по его мнению, зависит главным образом от применяемого тем или иным лингвистом метода описания и терминологии. Он с сочувствием цитирует слова Г. Фогта (Vogt), который утверждает, что систему любого языка можно представлять по-разному, различными способами, в зависимости от соображений удобства, простоты, экономии и т. д.; вопрос об истинности лингвистического анализа вообще не встает. Стало быть, делает вывод Робинс, вопрос о том, «существуют ли универсальные грамматические категории», на деле следует формулировать так: «существуют ли универсальные критерии классификации речевых форм (*forms of utterance*) по грамматическим категориям?».

По мнению Робинса, такого рода универсальные критерии должны быть чисто формальными; соображения логического, семантического и иного порядка следует отбросить как вредные для языкознания. Однако тут возникает затруднение. Дело в том, что, как утверждает автор, ссылаясь на работы Уорфа, Сепира и других представителей так называемой «этнолингвистики», сам строй того или иного языка определяет мышление и, стало быть, познание вещей и явлений внешнего мира. Поэтому анализ любого языка неизбежно должен идти сквозь призму родного языка; «модели» («*patterns*»), присущие родному языку, всегда неизбежно накладываются на изучаемый язык, ибо именно эти модели формируют наше мышление. Поэтому мы даже не можем судить о том, применимы ли к тому или иному анализируемому языку понятия «имени» и «глагола». Все, что мы можем утверждать, — это то, что слова одного языка могут переводиться именами и глаголами другого языка. Иными словами, конечный вывод, к которому приходит автор, таков: «предложения одного языка могут быть переведены предложениями другого языка». Дальше этого, утверждает Робинс, современная наука идти не может.

Мы сочли необходимым столь подробно изложить содержание этой статьи, поскольку она, по нашему мнению, дает яркое представление о том, в какой тупик привели буржуазную лингвистику ее порочные методологические позиции. Здесь представлены, по существу, все идеалистические концепции, господствующие ныне в западноевропейской и американской науке о языке: учение о «непознаваемости» психических процессов; категорический отказ от привлечения данных смежных наук (логики, психологии); полное игнорирование семантической, смысловой стороны языка; абсолютный субъективизм и релятивизм, исключающий возможность постановки вопроса об истинности или ложности тех или иных теорий; псевдонаучные построения современной американской «этнолингвистики»¹ и т. п. Неудивительно, что такого рода концепции не могут не привести автора к полному агностицизму. Убогий вывод — «предложения одного языка переводимы на другой язык» — поистине достойный «итог»!

¹ Подробнее о взглядах этнолингвистов см. статью М. М. Гухман «Э. Сепир и „этнографическая лингвистика“» («Вопросы языкознания», 1954, № 1).

Вряд ли можно отрицать, что существуют определенные грамматические категории, свойственные всем языкам; наличие такого рода общих черт в грамматическом строе самых, казалось бы, несхожих языков обусловлено, в конечном счете, общностью человеческого мышления, единством его законов для всего человечества. Понятно, что такого рода грамматические категории носят самый общий характер и по-разному конкретизируются, воплощаются в строе каждого конкретного языка. Принадлежат ли к их числу категории имени и глагола — вопрос спорный и пока еще не решенный, не в силу его принципиальной «неразрешимости», а в силу его недостаточной изученности. Прийти к его решению можно только путем анализа и сравнения грамматического строя как можно большего числа языков, путем обобщения материала конкретно-лингвистических исследований, а не путем абстрактных спекуляций. Ясно одно: порочная методология, господствующая в современном буржуазном языкознании, не может дать науке подлинного теоретического базиса.

*

Помимо статей общетеоретического характера, журнал «Language» публикует большое количество работ, посвященных конкретным, частным вопросам исследования отдельных языков. В номерах журнала за 1952 и 1953 годы помещены статьи по вопросам общей индоевропеистики, германистики, романистики, славистики, кельтологии, а также по отдельным языкам: английскому, немецкому, французскому, русскому, испанскому, исландскому, норвежскому, ирландскому, греческому, румынскому, албанскому, хеттскому, тохарскому, латинскому, индийскому, китайскому, дравидийскому, бирманскому, малайско-полинезийскому, африканским, эламскому, индийским и т. д. Круг языков, охватываемых исследованием, как видно, весьма широк.

Важно отметить одно обстоятельство: все статьи, посвященные конкретным вопросам исторического языкознания, базируются, в основном, на сравнительно-историческом методе и обходятся целиком без применения «новейших» достижений дескриптивной лингвистики. Оно и понятно: структурно-математический анализ отношений в языке вообще не может быть применен к историческому исследованию языка. Метод дескриптивной лингвистики, господствующий при изучении и описании современных языков, дает извращенную и одностороннюю картину синхронного состояния языка; картины же исторического развита и этот метод дать не может в силу своей сущности. Разрыв между синхронным и историческим изучением языка еще раз подтверждает научную несостоятельность дескриптивной лингвистики, которая тем самым снимает себя как метод изучения языка.

Обилие и разнообразие языков, упоминаемых в статьях рецензируемого журнала, и весьма узкий и специальный характер затрагиваемых вопросов не дают возможности дать всем этим статьям характеристику, хотя бы и краткую; это доступно только специалистам по соответствующим языкам. Ограничимся тем, что для примера рассмотрим некоторые статьи по вопросам индоевропеистики и германистики, чтобы дать общее представление о характере научно-лингвистических статей, помещаемых в журнале.

Статья известного американского хеттолога Э. Стертеванта (ум. в 1952) «Предистория индоевропейских языков» (1952, № 2) посвящена отношению хеттского языка к индоевропейскому. В ней Стертевант излагает свою известную теорию отдаленного родства хеттского языка с индоевропейскими. По словам автора, «если санскрит, греческий язык, латынь и германские языки — родные сестры, то хеттский — только двоюродная сестра». Хеттский язык вместе с пятью другими мертвыми языками Малой Азии (иероглифическим хеттским, лувийским, палайским, ликийским и лидийским) составляет особую анатолийскую группу языков, связанную с индоевропейской группой происхождением от общего языка-предка — индо-хеттского. В доказательство этого положения автор ссылается на целый ряд архаичных черт в строе хеттского языка: наличие особых соединительных частиц, из которых в индоевропейских языках образовались указательные местоимения; сохранение так называемых ларингалных (гортанных) согласных, исчезнувших в индоевропейских языках; отсутствие женского рода и т. д. Статья Стертеванта, по существу, в сжатом виде суммирует его взгляды на взаимоотношения языков индоевропейских с хеттским, уже неоднократно высказывавшиеся автором. Правильность этих взглядов справедливо ставится под сомнение многими лингвистами; так, известный датский хеттолог Х. Педерсен в своей рецензии на книгу Стертеванта «Сравнительная грамматика хеттского языка», помещенной в «Language» (1953, № 1), правильно указывает, что наряду с архаичными формами, сохранение которых вполне естественно ввиду большой древности хеттских текстов, в хеттском языке имеются также и новообразования, свидетельствующие о происшедших в языке существенных изменениях.

Известный французский индоевропеист Э. Бенвенист (Benveniste) в статье «Склонение местоимений в хеттском языке» (1953, № 3), ссылаясь на хеттский материал, выдвигает предположение, что древнейшим окончанием винительного падежа

указательных местоимений в индоевропейских языках было не **-om*, как считалось до сих пор, а **-um*; форма **-om* — более поздняя, вытеснившая древнюю **-um*, которая ныне сохранилась только в хеттском (в виде *-un*). Далее, опираясь на хеттскую парадигму склонения личных местоимений: 1-е лицо им. падеж *ug* — вин. падеж *amig*; 2-е лицо им. падеж *teg* — вин. падеж *tug*, — Бенвенист приходит к выводу, что в древнейшую эпоху в индоевропейских языках различие между именительным и винительным падежами местоимений выражалось противопоставлением огласовки *e/i* (форма *ug*, по его мнению, заменила более древнюю **eg*). Предположение это, само по себе не невероятное, остается при современном состоянии науки недоказанным. Важно отметить одно: материалы по индоевропеистике, помещенные в журнале, свидетельствуют о том, что дальнейший прогресс в этой области языковедческой науки немислим без тщательного изучения строя хеттского и родственных ему языков.

Из статей по германистике отметим работы Г. Муста (Must), посвященные истории падежных форм в германских языках. В статье «Готская форма родительного падежа множественного числа на *-e*» (1952, № 2) он пытается дать объяснение происхождению этой не вполне ясной формы. По мнению автора, буква *e* в данном случае обозначает долгий звук *i*, а форма окончания восходит к родительному падежу множественного числа основ на *-i*, распространившемуся на другие основы. В другой статье того же автора «Германское окончание родительного падежа единственного числа основ на *-o*» (1953, № 3) доказывается, что форма родительного падежа в германских языках (гот. *-is*, др.-в.-нем. *-es*) восходит не к **-eso*, **-oso*, как это предполагалось до сих пор, а к форме **-esjo*, **-osjo*, характерной и для других индоевропейских языков.

Статья К. Рейхарда (Reichard) «Надпись на шлеме В из Нерау» подвергает анализу надпись, сделанную этрусским алфавитом на шлеме, найденном близ Нерау (в Штирии). Надпись эта, читаемая *harigasti teiwa*, явно германская по языку: слово *harigasti* состоит из двух основ, из которых первая родственна с гот. *harjis*, нем. *Heer* «войско», вторая — с гот. *gasts*, нем. *Gast* «гость»; слово же *teiwa* родственно имени германского божества (сканд. *Tyr* < **tiwaz*). Датировка надписи неясна, но, очевидно, она относится к глубокой древности, возможно, к периоду за несколько сот лет до новой эры; архаичный характер надписи подтверждается сохранением в слове *teiwa* дифтонга *ei*, давшего в историческую эпоху долгое *i*. По мнению автора статьи, *harigasti* означает имя владельца шлема, а *teiwa* — имя божества; оба слова стоят в именительном падеже единственного числа, а отсутствие обычной древнегерманской флексии именительного падежа *-z* объясняется ее отпадением, характерным для западногерманских языков. Это сомнительно: вряд ли отпадение конечного *-z* в западногерманских языках произошло в столь ранний период. Скорее здесь наличествует форма дательного или винительного падежа — возможность, которую не отрицает и сам автор статьи.

Нам кажется, что рассмотрение вышеприведенных статей, в общем, дает представление о характере работ современных американских лингвистов по вопросам исторической лингвистики — работ, из которых можно извлечь много интересного и ценного материала, свидетельствующих о высокой технике конкретного историко-лингвистического анализа. Однако нельзя не видеть того разрыва между сугубо идеалистической, практически несостоятельной теорией и идущей по линии чистого эмпиризма практикой языкового исследования, который столь характерен для современного буржуазного языкознания.

*

Метод дескриптивной лингвистики, пропагандируемый журналом «Language» как метод синхронного изучения языков, порожден соответствующей общей философией современного буржуазного языкознания. Методологические основы логического позитивизма и семантизма, процветающих в настоящее время в Америке, необходимо должны были привести языковедение и логику к крайнему формализму.

Отбросив объективное содержание языка и логических форм мышления, сведя язык к чистой форме, представители дескриптивной лингвистики уничтожили тем самым и языковедение, лишили последнее предмета исследования. Изложенные математическим способом общие результаты дескриптивного исследования остаются уже вне границ лингвистики и без возможности дальнейшего научного и практического использования. Сам математический метод оказывается чужеродным, не соответствующим действительной природе языка.

Все то действительно ценное, что американское языковедение практически делает в области изучения языков (историческое языковедение), — все это заслуга скорее «добраго старого компаративизма», а не модного, но, видимо, недолговечного направления — дескриптивной лингвистики.

Л. С. Баргударов, Г. В. Колшанский